

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. Р. Матвеев

**ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ
ФРАНСУА ГИЗО**

Препринт WP6/2015/05

Серия WP 6

Гуманитарные исследования

Москва
2015

УДК 321
ББК 66.1
М33

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

Матвеев, С. Р.

М33 Либеральный консерватизм Франсуа Гизо [Текст] : препринт WP6/2015/05 / С. Р. Матвеев ;
Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом. Высшей школы экономики,
2015. – (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). – 40 с. – 150 экз.

В настоящей работе анализируется теория либерального консерватизма Франсуа Гизо (1787–1874), в частности, такие её составляющие, как концепты свободы, порядка, цивилизации, среднего класса, провидения, суверенитета, деспотизма и анархии. Особое внимание уделено соотношению свободы, равенства и власти, а также концепциям среднего класса и суверенитета.

УДК 321
ББК 66.1

Ключевые слова: Франсуа Гизо, либеральный консерватизм, свобода, равенство, власть, средний класс, суверенитет, цивилизация

Статья подготовлена в результате проведения работы (№ 15-05-0055) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Матвеев Сергей Рафисович – к. филос. н., стажер-исследователь ИГИТИ имени А.В. Полежаева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Matveev, Sergey.

Liberal Conservatism of François Guizot [Text] : Working paper WP6/2015/05 / S. R. Matveev ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2015. – 40 p. – (Series WP6 “Humanities”). – 150 copies. (In Russian.)

This paper reconstructs the theory of liberal conservatism worked out by François Guizot (1787–1874). The paper focuses on such concepts as freedom, order, civilization, middle class, providence, sovereignty, despotism and anarchy. Special attention is given to the balance of freedom, equality and power, as well as the concepts of middle class and sovereignty.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Матвеев С. Р., 2015

© Оформление. Изд. дом

Высшей школы экономики, 2015

Политическая теория французского либерального консерватизма формулируется в работах доктринеров, интеллектуальным и политическим лидером которых был великий историк Франсуа Гизо (1787–1874). В отличие от классической политической и социальной философии либеральный консерватизм ориентирован на актуальную политическую повестку, к проблемам которой неоднократно обращались его теоретики. Либеральный консерватизм представляет собой важную часть французской политической мысли и общественной жизни XIX в. Изучение этой традиции позволяет воссоздать разнонаправленный процесс становления гражданского общества и правового государства в периоды Третьей, Четвертой и Пятой республик. Идеи Гизо участвовали в этом строительстве в качестве теоретического фундамента либерального консерватизма.

Система понятий

Любые теории, в том числе политическая система Ф. Гизо, строятся на базовых понятиях, интерпретация значений которых не только позволит исследовать отражение и фиксацию социальных явлений в терминологии интересующих нас авторов, но поможет лучше понять смысл их теорий. Базовые понятия исключительно сложно организованы – они всегда спорны¹. Задачей настоящего раздела является интерпретация смысла базовых понятий теории либерального консерватизма Ф. Гизо. К ним относятся *свобода, порядок, цивилизация, средний класс, провидение, суверенитет, деспотизм, анархия*. Большая часть этих терминов является общепринятой для политического языка посленаполеоновской Франции.

Свобода – центральное понятие французской либеральной традиции. Либеральные консерваторы, коим был и Гизо, разделяли либеральные ценности, но осторожно использовали соответствующие методы, особенно в реальной политике. Для них *свобода* имела несколько коннота-

---

¹ См.: Бёдекер Х.Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета. М., 2010. С. 44.

ций. С одной стороны, она синонимична анархии и демократии, с другой – она может оправдывать многие злоупотребления, совершенные от ее имени. Последняя – «подлинная свобода» (*la vraie liberté*), понятие, характерное исключительно для либерального консерватизма, представители которого хотели дистанцироваться от «глашатаев мнимой свободы», отождествивших настоящую ценность с народовластием. Подлинная свобода – это гарантия прав и равенство возможностей².

Понятие *свобода* имеет у Гизо два противоположных значения, синтезируемых в его историософской концепции. Первое значение связано с социальным (актуальным) подходом к проблеме, второе – с нравственно-индивидуальным, а историософия говорит о синтезе общественного и личного «фактора цивилизации». В социальной реальности *свобода* всегда сопряжена с собственностью. Человек без собственности не может быть равноправным членом социального организма³. Этот принцип, по мнению Гизо, возник в период франкского завоевания Галлии, когда свободные люди, лишённые земель, начинали терять не только политическую, но и личную свободу. В «Опыте по истории Франции» у Гизо в качестве *собственности* выступает земля, (не)обладание которой определяет социальное положение индивида или целого общественного слоя, а форма собственности может многое сказать о политической организации государства⁴. В реальной политике свобода – «общая мысль, общая цель всех партий, участвующих в движении, как бы велико ни было их взаимное различие»⁵.

Гизо считает, что человек нравственно (внутренне) свободен от общества. Последнее способно оказывать лишь внешнее влияние, но не может изменить духовный мир индивида. Некое нравственное ядро позволяет человеку всегда оставаться самостоятельным и стремиться к идеалам, не соответствующим окружающему его политическому и социальному строю. Личная свобода включает в себя свободу от притеснений со стороны государства, свободу экономической деятельности, свободу слова, печати, собраний⁶.

---

² См.: *Chateaubriand F.R. Correspondance générale. Vol. 2. Paris, 1982. P. 200.*

³ См.: *Guizot F. Histoire des origines du gouvernement représentatif en Europe. Vol. 1. Paris, 1851. P. 134–135.*

⁴ См.: *Guizot F. Essais sur l'histoire de France. Paris, 1823. P. 87–92.*

⁵ *Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М., 2007. С. 292.*

⁶ См.: *Guizot F. Essais sur l'histoire de France... P. 92.*

Свобода в историософии Гизо является способностью понимать законы исторического развития (или «волю Провидения»). Свобода расширяется с ростом знания, а человек – это «разумный и свободный исполнитель чужого дела»⁷. В своих исторических сочинениях Гизо не раз подчеркивает сенсibiliзирующий характер многих понятий, которые требуют уточнения значения применительно к каждой исторической эпохе⁸. Свобода – основополагающая идея либерализма – не мыслится Гизо в отрыве от *порядка*, а порядок невозможен без сильной центральной власти. Для создания фундамента свободы необходимо конституционное правление, гарантирующее права граждан⁹. Цель всякого правления заключается в безопасности настоящего, которая подготавливает и гарантирует безопасность будущего¹⁰. Порядок, обязательное условие свободы, заключается в умеренности – это мирная политика на международной арене и борьба с экстремизмом внутри страны. Гизо писал: «Под словом “порядок” я понимаю тот истинный и прочный порядок, который необходим для каждого великого общества, если оно само хочет быть прочным и благоденствующим»¹¹. Таким пониманием порядка Гизо руководствовался и в своей политической практике.

Цивилизация – центральная категория историософии Гизо. Цивилизация – это прогресс в широком смысле слова, развитие; настоящий термин неизбежно связан с представлением о народе, который движется вперед, – и движется для того, чтобы переменить не только место, но и состояние, – о народе, жизнь которого все более и более расширяется и улучшается. Идея прогресса, развития является основной идеей цивилизации¹². Прогресс (в узком смысле) – это «усовершенствование гражданской жизни», «развитие общества в собственном смысле этого слова, развитие людских отношений»¹³.

Цивилизация невозможна без двух компонентов: усовершенствование общества и развитие личности¹⁴. Это связанные процессы, поскольку по мере самосовершенствования человек стремится улучшить окру-

---

⁷ Гизо Ф. История цивилизации в Европе... С. 247.

⁸ Там же. С. 165.

⁹ См.: Guizot F. Des moyens de gouvernement et d'opposition dans l'état actuel de la France. Paris, 1821. P. 7.

¹⁰ Ibid. P. VI.

¹¹ Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Paris, 1858. Vol. 1. P. 186.

¹² См.: Гизо Ф. История цивилизации в Европе... С. 24.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 29.

жающих. Цель, к которой движется человечество – создание справедливого и нравственного общества, объединенного цивилизацией. По мнению Гизо, все важные исторические факты, содействовавшие развитию цивилизации, имели влияние на одну из упомянутых сфер человеческой деятельности. Цивилизация для Гизо представляет собой нечто реальное: «Цивилизация есть факт, подобный всякому другому, факт, который наравне со всяким другим может сделаться предметом изучения, описания, рассказа»¹⁵. Примером действительного существования этого организма является европейская цивилизация.

Понятие *Провидение* тесно связано с концепцией цивилизации. Оно скрывает за собой сумму закономерностей исторического процесса, которая определяется экономическими и политическими причинами, а также конечным торжеством цивилизации. Гизо не дает определения этому концепту, но контексты обращения к нему не позволяют сомневаться: «... Провидение ведет к благоустройству жизни людей...», «Провидение совершенствует быт и нравы человека...», «Пути провидения не ограничены тесными пределами; оно не имеет надобности извлекать сегодня же вывод из постановленного вчера принципа; оно извлечет его по прошествии веков, в свое время; медленность (с нашей точки зрения) несколько не уменьшает верности его рассуждений»¹⁶.

Средний класс – главный концепт социальной философии Гизо. Это обширный социально ответственный блок, возникший в результате социального развития, занимающий в общественной иерархии пространство между аристократией и беднейшей частью населения¹⁷. Ядром среднего класса является буржуазия, доступ в него открыт всем собственникам, имеющим потенциальную возможность (пассивно или активно) участвовать в легитимной политической жизни. Основной целью среднего класса и залогом его благополучия является поддержание стабильности государственной системы и порядка¹⁸. Если английский «*middle class*» немногочисленный и выступает двигателем, локомотивом развития (буржуазия в традиционном понимании), то французские «*les classes moyennes*» (они же «*bourgeois*», «*bourgeoisie*», «*lescouchemoyennes*»), включившие в себя помимо буржуазии широкий слой собственников, служащих, чиновников и преподавателей, являются опорой политической системы и

---

¹⁵ Гизо Ф. История цивилизации в Европе... С. 18.

¹⁶ Там же. С. 30.

¹⁷ См.: Guizot F. Mémoires... Vol. 6. P. 347.

¹⁸ См.: Guizot F. De la démocratie en France. Paris, 1849. P. 95.

государства. В определении его преобладает политический аспект, экономическая же составляющая находится на втором плане. Отчасти это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, теоретиками французского «среднего класса» выступили люди, активно вовлеченные в политическую практику. Во-вторых, политические процессы во Франции конца XVIII – начала XIX вв. в общественном восприятии явно доминировали над экономическими.

Суверенитет, или высшая произвольная власть правителя, – ключевая категория политической философии посленаполеоновской Франции. Разработка этой проблемы – одно из наиболее популярных и плодотворных направлений во французской политической философии XIX столетия. Ее привлекательность для исследователей соответствовала степени ее актуальности в послереволюционных условиях. Суверенитет у Гизо – это абстрактная категория, лишенная реальной субъектности. Если у Б. Констана суверенитетом обладает народ, у Ж. де Местра – монарх, то Гизо заявляет: «Поскольку ни одна власть в этом мире не является и не может быть тем, чем она должна быть, никто не имеет права называть себя сувереном»¹⁹. Ведь признать какой-либо реальный субъект сувереном означало бы признать его абсолютную власть и непогрешимость, т.е. реифицировать символы. Однако никакая абсолютная власть не может быть легитимной, поскольку потенциально она не исключает произвол, следовательно, на земле вовсе не существует ни суверенитета, ни суверена²⁰. Ни народ (и отдельные его представители), ни монарх не могут претендовать на высшую произвольную власть правителя и существовать вне нормально действующего правопорядка. Таким образом, суверенитет – это разум, истина, справедливость, или, «выражаясь языком, более подобающим философии, это незыблемое Бытие, основными законами которого являются разум, истина, справедливость»²¹.

Деспотизм и анархия – понятия, которые Гизо использует, как правило, в тандеме. Для философа это «гнусные и пагубные факты, лежащие тяжким бременем на народах»²², равнозначные проявления политического экстремизма, результатом которого неизменно будет угнетение свобод, общественное волнение и унижение личности. Экстремистское правле-

---

¹⁹ Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете Франции // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 517.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 509.

²² Гизо Ф. История цивилизации в Европе... С. 20.

ние может существовать, основываясь лишь на обмане: «Деспотизм теократический, деспотизм монархический не раз пользовались терпимостью, почти любовью подчиненного им народонаселения. Феодальный деспотизм всегда был предметом отвращения и ненависти, он тяготел над судьбой людей, но никогда не властвовал над их душой»²³. Противопоставляет деспотизму и анархии *порядок*, или золотая середина, равноудаленная от крайностей.

Деспотизм – это власть одного лица над другим, «господство личной, капризной воли одного человека», это «единственная тирания, с которой – к чести своей – никогда не примирится человек». Всякий раз, когда в своем повелителе подданный видит только человека, а в гнетущей его воле – волю исключительно человеческую, столь же личную, как и его собственная, «он возмущается духом и лишь с затаенною злобою переносит иго». Гизо считает, что именно таков был настоящий, отличительный характер феодальной власти и «таков внутренний источник отвращения, которое она постоянно внушала народу»²⁴.

В целом круг понятий философии Гизо принадлежит политической терминологии первой половины XIX в., времени напряженных размышлений о свободе, деспотизме, анархии, суверенитете. Среди основных понятий Гизо нет таких, которые бы совершенно не встречались у других авторов (исключение представляют концепты «средний класс» и «цивилизация», впервые введенные в философский оборот в этом значении). Каждое из этих слов вызывает определенные ассоциации, и при первом взгляде кажется, что они не требуют дополнительных разъяснений. Однако мыслитель интерпретирует их – прибегая к либеральным и консервативным идеологемам, дополняет и уточняет смыслы понятий не только в соответствии с потребностями времени, но и следуя логике собственной философской теории.

Соотношение свободы, равенства и порядка

Для Гизо *свобода* подразумевает свободу выбора, свободу слова, свободу совести, свободу прессы, гражданское равенство²⁵. Философ назы-

---

²³ Гизо Ф. История цивилизации в Европе... С. 97.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Guizot F. Mémoires... Vol. 8. P. 3.

вает свободу главной целью всех политических потрясений, которые пережила Франция с 1789 г. По его мнению, к появлению политической свободы, призванной оберегать все прочие свободы, вела сама логика развития французской цивилизации, и этот путь не имел альтернатив²⁶.

Либерально-консервативный синтез в политической философии Гизо становится очевидным при обращении к категории свободы. Свобода – основополагающая идея либерализма – невозможна без *порядка*, а порядок невозможен без сильной центральной власти («Свобода и порядок» – девиз орлеанистов). Для создания фундамента свободы необходимо конституционное правление, гарантирующее права граждан, а «яростные декламации, чрезмерные амбиции, дух враждебности» ведут к угнетению²⁷. Цель всякого правления заключается в достижении безопасности настоящего, которая подготавливает и гарантирует безопасность будущего²⁸. Находясь в отставке и вспоминая о своей жизни в политике, Гизо писал в мемуарах: «Я защищал попеременно то свободу против деспотизма, то порядок против революционного духа – две великие вещи, которые, собственно говоря, составляют одну, потому что разделение их губит и ту и другую. Пока свобода не отрешится окончательно от революционного духа, а порядок от деспотизма, Франция будет переходить от кризиса к кризису, от ошибки к ошибке»²⁹.

Французский мыслитель убежден, что во время реакции в опасности находится не только свобода, но и сама власть³⁰. Примирение власти и свободы помогает в борьбе с экстремистскими силами, цель которых – не допустить подобного союза: правые (роялисты) посягают на свободу, которая кажется им непомерно большой, левые (революционеры) посягают на власть, которая видится им чересчур сильной³¹. Политическая борьба порождает столкновение страхов, идентичных по своему источнику, но разнящихся по своим последствиям. Власть должна даровать людям безопасность и успокоение, получение которых делает граждан трудолюбивыми и усердными по отношению к государству³². Создание социальной и политической опоры правительства является сложным

---

²⁶ *Ibid.* P. 1–2.

²⁷ См.: *Guizot F. Des moyens de gouvernement...* P. 7.

²⁸ *Ibid.* P. VI.

²⁹ *Guizot F. Mémoires...* Vol. 1. P. 3.

³⁰ *Ibid.* P. 1.

³¹ *Ibid.* P. 15–16.

³² *Ibid.* P. 13–14.

и кропотливым делом, успех которого зависит от союза между властью и гражданами³³.

Свобода может быть ограничена, если ставит под угрозу порядок или «нормальное существование» государства, – мысль эта развита Гизо со всей обстоятельностью в большой статье «Некоторые соображения по вопросу свободы прессы»³⁴. Философ доказывает преимущества «тишины, порядка и стабильности» и говорит о необходимости благоразумных гарантий этого порядка, а также указывает на губительные последствия, вытекающие из его нарушения. Свобода прессы оправдана только в развитом обществе, она всегда будет большим испытанием как для правительства, так и для граждан, потому что может вооружить анархию или тиранию: «Свобода прессы – это не государственная власть, не представительница общественного разума, не верховный судья; это просто право граждан высказывать свое мнение о государственных делах и об образе действий правительства. Право это могущественно и почтенно, но по существу своему высокомерно, и для того, чтобы оно всегда оставалось спасительным, общественные власти должны не склоняться перед ним, а налагать на него ту серьезную и постоянную ответственность, которая должна лежать на всех правах для того, чтобы они не сделались сначала мятежными, а потом тираническими»³⁵. То есть либеральный консерватизм Гизо предполагает гражданский контроль за правами, в том числе за свободой прессы, который имел бы возможность лишить прав силы, стремящиеся к анархии или деспотизму.

Гизо, как и многих современных ему политических мыслителей, волнует не столько проблема освобождения личности от деспотического гнета государства, сколько проблема соотношения политической и социальной сфер общества, их взаимодействия и взаимопроникновения³⁶. Либеральный консерватизм как центристское движение выступает за компромиссное решение социально-политических проблем. Это движение принимает послереволюционное общество, но пытается сформировать его управление на основе рациональных принципов, отличных от теорий просветителей и революционеров³⁷. По мнению Гизо, для создания силь-

---

³³ Guizot F. Mémoires... P. 5.

³⁴ Guizot F. Quelquesidées sur la liberté de la presse // Mémoires... Vol. 1. P. 408–415.

³⁵ Ibid. P. 409–410.

³⁶ См.: Федорова М.М. Либерализм первой половины XIX в. // Европейская политическая мысль XIX века. М. : Наука, 2008. С. 47.

³⁷ Там же.

ного государства после революционных потрясений необходимо, чтобы травмированное революцией общество пребывало в мире с самим собой: слабые должны отказаться от претензий на прошлое и сумасбродных планов на будущее³⁸. Таким образом, «слабыми» являются крайние силы, в посленаполеоновской Франции это ультрароялисты и республиканцы.

Экстремизм препятствует социальной эволюции и может погубить в зародыше «развитие общественного здравого смысла», а внепарламентские формы политической борьбы всегда деструктивны. Так, революционная Франция могла заняться размеренной и кропотливой работой, избежать потрясений, но «взвзвисявшийся за оружие Старый порядок отбросил страну на путь хаоса, насилия и мрака»³⁹. Экстремизм не извлекает уроков, отвергает опыт, что подтвердилось в 1814 г. Во времена Империи сторонники Старого порядка были счастливы получить передышку, но в первые годы Реставрации они возобновили войну, считая себя в состоянии одержать победу. Однако радикальное правление никогда не сможет достичь свободы и порядка, потому что опирается на ничтожно узкую социальную базу, интересы представителей которой чужды обществу в целом.

Существование экстремистов во власти и обществе, по мнению Гизо, создает постоянную напряженность и угрозу как внутренней, так и внешней войны. Эти силы не удовлетворены своим положением, они считают себя обделенными историей. С одной стороны, всегда находятся реваншисты, а с другой – революционеры: «Людей Старого порядка революция лишила власти, поэтому власть и должна быть им возвращена; погибло их состояние – это состояние должно снова вернуться к ним»⁴⁰. Революционеры, наоборот, считают, что власть и собственность, вырванные из рук Старого порядка должны оказаться достоянием широких масс. А поскольку власть, авторитет и привилегии не существуют вне их обладателей, то все это нужно отнять силой у нынешних их владельцев, а что это, как не война – «одна из тех войн, что потрясают общество до основания даже тогда, когда они уже перестали волновать его поверхность»⁴¹.

---

³⁸ См.: Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции в современной Франции // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 267–268.

³⁹ Там же. С. 268.

⁴⁰ Там же. С. 269.

⁴¹ Там же. С. 270.

Гизо считает, что борьба с экстремистами оправдывает временное ограничение свобод всех граждан. Если страна испытывает потребность в урегулировании своих дел, в создании государственной системы и одновременно она должна отразить врага, стремящегося захватить ее землю и принадлежащие ей средства, чтобы возвести на этой земле свое собственное здание, то государство одновременно должно обулаиваться и защищаться, испытывая потребность в войне и мире. Однако обе эти потребности находятся в противоречии и составляют друг другу препятствие. Государство, имеющее свободу печати, предоставляет ее всем гражданам, поскольку именно в этом заключается сущность конституционных свобод. Свободой печати завладевают и экстремисты, ведущие скрытую или явную войну с законным правительством. Используя равные условия, они атакуют правительство и справа, и слева⁴². Так французские ультрароялисты в первые годы Реставрации, не лишённые талантливых публицистов, получили мощное оружие, которым атаковали государственный порядок и поставили под угрозу само его существование. Они даже превозносили свободу печати, используя ее для яростных нападков не только против администрации и государства, но и против самого общества, его принципов, его организации, главных особенностей его развития. Общественное мнение разделяется, а атмосфера электризуется. Гизо резюмирует, что в пользу такой свободы усомнится множество мирных граждан, «людей, чуждых каким бы то ни было партиям»⁴³.

Все сказанное относительно свободы печати Гизо распространяет и на прочие свободы. По его мнению, поспешное и бездумное создание условий для всевозможных свобод, призванных защищать граждан от злоупотреблений правительства, может вооружить и необычайно усилить экстремистов. Свободы нужно защищать от радикалов и не допускать, чтобы последние обладали всей полнотой гражданских прав, иначе осуществление свобод обернется опасностью для всего общественного строя⁴⁴.

Экстремизм будет существовать всегда, но Гизо предлагает метод максимального ослабления и изоляции радикалов – создание широкой социальной опоры правительства в лице среднего класса, в который не попадают аристократия и беднейшие слои населения (наемные рабочие и

---

⁴² Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции в современной Франции... С. 270.

⁴³ Там же. С. 271.

⁴⁴ Там же. С. 272.

крестьяне). Идея среднего класса, обладающего определенным интеллектуальным уровнем и имуществом, как гаранта стабильности – это сущность социальной концепции либерального консерватизма.

Решение проблемы соотношения власти и общества связывалось Гизо и многими его единомышленниками с судьбой Революции во Франции. Если Констан рассматривает этот вопрос в контексте событий 1789–1794 гг., то Гизо обращается к нему на материале посленаполеоновского периода. Мыслитель убежден, что противоречия между властью и обществом возникают в неправильно организованных государственных механизмах, по сути же социальная и политическая сферы едины. Либеральный консерватизм предполагает взаимодействие сферы социального (лучших ее представителей – среднего класса) и политического посредством представительного правления, превращаясь тем самым в политическую технологию. При представительном правлении государство (власть) обращается к обществу при поиске средств правления. Подобный диалог стал возможен вследствие появления эклектичного, деперсонифицированного (классового) и нераздробленного (на аристократию и народ) общества. В новых условиях власть не является внешней по отношению к обществу. Гизо констатирует появление современного общества (не вводя соответствующего понятия), утверждая единство социума и власти. М.М. Федорова пишет, что это общество, в котором переплетены мнения, страсти, интересы, и политическая власть в нем эффективна только тогда, когда взаимодействует со всеми этими элементами, определяющими поведение масс⁴⁵. Политическую власть, интегрированную в общество, Гизо называет социальной властью. Она пользуется средствами правления, заключенными в самом обществе и поэтому взаимодействует со всей массой граждан.

Вместе с тем Гизо выступает за сильное государство, которое способно не только декларировать, но и обеспечивать свободы, а также оберегать их от злоупотреблений радикалов, особенно в периоды, когда свободы только распространяются в обществе. Власть должна дать гражданину успокоение: «...если человек видит, что власть ежесекундно может быть захвачена врагом, то он станет по отношению к власти труднодоступным и скупым; со всей скарედностью будет он отмерять ту помощь, что власть требует от него. Очень скоро либо по расчету, либо инстинктивно, но следуя неумолимому ходу событий, такой человек будет

---

⁴⁵ См.: *Федорова М.М.* Либерализм первой половины XIX в... С. 51.

игнорировать наиболее законные потребности власти, откажет ей в необходимой поддержке и, в конце концов, быть может, начнет трудиться над ее разрушением»⁴⁶.

Государство, согласно Гизо, самый важный политический субъект. Задачи государства огромны, для их выполнения нужны силы и полномочия, которые находятся в различных институтах и закрепляются законами. Любыми законными способами власть должна получить достаточные полномочия: «Спорьте, торгуйтесь, неважно, – так или иначе власть должна быть вооружена и поддержана»⁴⁷. Однако в новом обществе власть по природе своей не узурпирующая, а социальная, уходящая корнями в общество, которое она оберегает.

Гизо не связывает свободу с определенным политическим строем или конкретными институтами, наличие или отсутствие которых могло свидетельствовать о ее наличии или отсутствии: «Для появления политической свободы, в зависимости от времени и места, требуются разные условия»⁴⁸. Формы государственного устройства, располагающие к зарождению свободы, могут быть разнообразными: от монархии до республики⁴⁹. Большое влияние имеют социальные факторы, а также особенности внутренней и внешней политики. Познакомившись с «Демократией в Америке» Токвиля, Гизо в целом согласен с выводами младшего современника и доказывает, что свобода не исключительно американское явление, и она мало связана с политической организацией Соединенных Штатов и республиканской формой государственного устройства. В качестве аргумента он приводит опыт Англии, где при монархии возникла и получила развитие политическая свобода: «Политическая свобода равно существует в Англии и Соединенных Штатах Америки при различных формах правления и институтах. В одной стране она родилась при республике, в другой – под эгидой монархии»⁵⁰. Однако демократическое устройство, искусственно уравнивающее людей, скорее приведет к анархии или тирании и погубит свободу⁵¹.

Проблема равенства была одной из самых дискуссионных во французском политическом поле со времен Революции. Гизо признает значи-

---

⁴⁶ Гизо Ф. О средствах правления и оппозиции... С. 272–273.

⁴⁷ Там же. С. 272.

⁴⁸ Guizot F. Mémoires... Vol. 8. P. 2.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid. P. 3.

⁵¹ Ibid. P. 4.

мость Декларации прав человека и гражданина, а также влияние традиции Просвещения. «Все люди одной природы и, следовательно, равны... и обладают правами, принадлежащими человеку» в силу его естественного состояния: «Таким является внутреннее право на свободу совести и большая часть гражданских прав, как право собственности и все права, из него вытекающие»⁵².

Однако Гизо отмечает, что главным образом речь идет о равенстве перед законом, потому что всеобщее равенство сделало бы невозможной свободу. Мыслитель предпочитает использовать не понятие «равенство» (*égalité*), а понятие «неравенство» (*inégalité*). Вслед за Монтескье и Констаном Гизо говорит о разной степени природной одаренности людей и всеобщем интеллектуальном неравенстве: «Это неравенство – первая подлинная причина социального неравенства», потому что более образованные люди лучше подготовлены к государственной деятельности и ведению дел в целом. Положение человека в этой иерархии зависит от воли Провидения, а также от «интеллектуальных и моральных способностей каждого»⁵³. Подобное неравенство является не тормозом, а источником прогресса, потому что стимулирует людей к самосовершенствованию, на нем зиждется конкуренция: «Власть... и все средства к ее приобретению, как богатство, способности, наука, происходят из естественного неравенства, которое развилось и принесло плоды»⁵⁴. Конкуренция же позволяет наиболее способным и достойным стать обладателями этих сокровищ.

Гизо выступает категорически против теорий и попыток уничтожения «естественного неравенства», он убежден, что их итогом станет деградация экономическая, политическая и социальная. Он переносит некоторые важнейшие принципы экономического либерализма А. Смита в политическое поле. Гизо солидарен с английским экономистом в признании социальной пользы индивидуального эгоизма, потому что от поддержки этого состояния «зависит прогресс и постепенное улучшение человеческого рода», тормозить же естественное неравенство «означает отрицать волю Бога и поднимать на нее кощунственную руку»⁵⁵.

Таким образом, политическая теория Гизо предполагает существование естественного и искусственного неравенства. Последнее закрепля-

---

⁵² Guizot F. Du gouvernement de la France... P. XXXVI.

⁵³ *Ibid.* P. XXXII–XXXIII.

⁵⁴ *Ibid.* P. XXXVII.

⁵⁵ *Ibid.* P. 38.

ется в законах и привилегиях, и оно противно природе, потому что его создатели и защитники претендуют на то, чтобы играть роль Провидения, распоряжаясь судьбами людей. К тому же искусственное неравенство неизбежно будет заменять собой или сглаживать неравенство природное, что повлечет все негативные последствия, о которых сказано выше. Данная политическая теория является завершением исторической концепции классовой борьбы. Гизо убежден, что это противостояние конечно, и момент установления политического равенства и естественного (божественного) неравенства станет временем наступления всеобщего социального мира, завершится многовековая борьба «победителей» и «побежденных»: «В лоне закона, и только там, может прекратиться противостояние двух рас, двух народов...»⁵⁶.

Итак, Гизо констатирует всеобщее естественное неравенство людей, которые обладают различными способностями, талантами, навыками, задатками, добродетелями, также неодинаковы их физические силы и здоровье. Философ полагает, что считать людей равными – не просто заблуждение, но ошибка, способная остановить прогресс. Равенство посягает на своеобразие отдельной личности, отказывает людям в *праве* обладать индивидуальным талантом. В обществе существуют права, которые распределяются или присваиваются согласно неравенству и по заслугам каждого человека, что дает стимулы для развития социального организма и «является одним из факторов, формирующих настоящее общество»⁵⁷. К перечню этих прав принадлежат и некоторые политические, в том числе избирательное право.

Гизо являлся соавтором закона «Об избирательной системе» от 5 февраля 1817 г., согласно которому для участия в выборах устанавливался высокий имущественный ценз. Главная идея закона, по мнению Гизо, заключалась в том, чтобы не допустить второго рождения революционного порядка и закрепить порядок конституционный, поскольку с 1789 г. «право всеобщей подачи голосов было во Франции только орудием разрушения или обмана: разрушения – когда оно действительно отдавало политическую власть в руки толпы; обмана – когда оно служило к уничтожению политических прав в пользу неограниченной власти, сохраняя посредством мечтательного вмешательства народа наружный вид изби-

---

⁵⁶ Guizot F. Du gouvernement de la France... P. 20.

⁵⁷ См.: Guizot F. Trois générations 1789 – 1814 – 1848. Paris, 1863. P. 34–35.

рательного права»⁵⁸. Творцы избирательной системы 1817 г., в том числе Гизо, хотели «выйти, наконец, из этой рутины насилия и лжи, ввести политическую власть в ту область, в которой естественно, независимо и разумно господствуют консервативные интересы общественного порядка...»⁵⁹. Новая избирательная система сосредоточила власть в руках ста сорока тысяч избирателей, представителей «среднего класса», обладавших собственностью.

Гизо поддерживал Хартию, установившую высокий избирательный ценз (имущественный и возрастной) как для активных, так и для пассивных граждан. Для того чтобы быть избранным в палату депутатов, необходимо было достичь возраста 40 лет и платить не менее тысячи франков прямых налогов в год (ст. 38: «Никакой депутат не может быть допущен в палату, если он не имеет сорокалетнего возраста и не платит тысячи франков прямых налогов»⁶⁰). Для участия в выборах депутатов в качестве избирателя необходимо было достичь возраста в 30 лет и платить не менее 300 франков прямых налогов (ст. 40: «Избиратели, участвующие в выборах депутатов, не могут иметь права голоса, если они не платят прямых налогов в размере трехсот франков и если они имеют менее тридцати лет от роду»⁶¹). Более того, Гизо предлагал вслед за Руайе-Колларом проводить выборы только в крупных городах департаментов. В сочетании с имущественным цензом эта мера делала бы ведущей политической силой так называемый *средний класс* – главную социальную силу с точки зрения либерального консерватизма.

Средний класс

Особенности промышленного переворота и аграрного законодательства революции превратили Францию в страну мелких собственников, в которой размыты перегородки между высшим классом буржуазии, с одной стороны, мещанством и низшими ее слоями, с другой. Именно в этот период средний класс начал стремительно расширяться. Шаткость общественно-политической структуры, претерпевшей с 1789 по 1815 г.

---

⁵⁸ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 166.

⁵⁹ *Ibid.*

⁶⁰ Charte constitutionnelle du 4 juin 1814. Paris, 1814. P. 4.

⁶¹ *Ibid.*

сильные потрясения и глубокие трансформации, сформировала политическую культуру, ориентированную на обширный социальный блок средних слоев собственников, заинтересованных в стабильности общества и способных стать опорой действующей власти.

Оформление идеи среднего класса предшествовало его реальному появлению в качестве элемента социальной структуры. Это подтверждается записями Гизо относительно состава этой прослойки. Мыслитель говорит то о буржуазии, занимающей «промежуточное положение между старой аристократией и беднейшей частью населения»⁶², то о «средних классах» во множественном числе⁶³, обнажая неоднородность социальной среды, которая включила в себя многочисленные группы различного имущественного состояния: от рантье, торгово-промышленной буржуазии до чиновников, университетских профессоров и служащих. Эту неопределенность автор пытается нивелировать признанием высокой вертикальной мобильности французского общества, где «средний класс» открыт и постоянно расширяется за счет вливания в него представителей других социальных групп по мере развития их материального благосостояния и повышения интеллектуального уровня: «В просторном помещении, которое занимает буржуазия внутри общества, двери всегда открыты»⁶⁴, а в рядах ее «всегда хватает места для тех, кто хочет и умеет туда войти»⁶⁵. Таким образом, французская буржуазия, как английская аристократия, «омолаживает себя, привлекая людей из других классов по мере того, как они возникают вокруг нее»⁶⁶, т.е. родившись из народа, «она черпает и бесконечно питается из того же источника, который безостановочно течет и поднимается вверх», «это сама сущность и осуществленное право её»⁶⁷. Однако граждане, претендующие на попадание в эту категорию, должны «не заниматься физическим трудом»⁶⁸, обладать достатком, который позволяет иметь независимость суждений и поступков и преодолевать имущественный ценз для участия в выборах: «Обогащайтесь посредством труда и бережливости, и вы станете избирателями!», говорил Гизо, согласно легенде.

---

⁶² *Guizot F. Mémoires...* Vol. 8. P. 22.

⁶³ *Ibid.* P. 23.

⁶⁴ *Guizot F. Mémoires...* Vol. 6. P. 348.

⁶⁵ *Ibid.* P. 349.

⁶⁶ *Ibid.*

⁶⁷ *Ibid.*

⁶⁸ *Ibid.* P. 347.

Из всех общественных слоев именно средний класс, по мнению мыслителя, должен оказывать решающее влияние на функционирование политической системы, поскольку он обладает политическим разумом и чувством справедливости. Одна из основных задач правительства – создание условий для того, «чтобы естественным путем социальные институты постепенно повышали число людей с соответствующим уровнем интеллекта и независимости, что сделало бы их достойными участия в осуществлении политической власти»⁶⁹. Фильтром, который допускает к управлению государством людей «подготовленных», является хартия 1814 г., включившая в рафинированном виде все основные завоевания и права, необходимые буржуазии для общественного господства. Она провозгласила равенство всех граждан перед законом, независимо от их званий и титулов (что пресекло реставрацию аристократических привилегий), свободу слова, печати, совести, создала возможность существования реальной законодательной власти и политических партий «для потенциально активных элементов свободного правительства»⁷⁰. Однако участие в политической деятельности и преодоление барьеров для этого не является единственным условием принадлежности к «среднему классу». Если активные граждане отказываются действовать в рамках существующей системы, допускают «революционные искажения» и используют «заговорщические принципы», которые «бросают тень (...) на их конституционную борьбу», то они не могут относиться к этой социальной группе⁷¹. Патриотизм и лояльность правительству как неперемнное свойство «среднего класса» подчеркивается и в исследовании «О демократии во Франции», где Гизо писал: «...и при войне, и при мире средние классы дают всегда людей готовых пожертвовать собой на службе родине»⁷².

Среднему классу присущи умеренность и разумность, его представители «советуются, говорят, руководствуются здравыми интересами и не способны ни к слепой преданности, ни к самопожертвованию. Для них «преданность не исключает здравого смысла, а мужество – разума»⁷³. Честолюбцы вроде Наполеона никогда не смогли бы прийти к власти в обществе, в котором господствует средний класс, потому что не смогли бы

---

⁶⁹ *Ibid.* P. 346.

⁷⁰ *Ibid.* Vol. 8. P. 9.

⁷¹ *Ibid.*

⁷² *Guizot F. De la democratie en France.* Paris, 1849. P. 95.

⁷³ См.: *Guizot F. Mémoires...* Vol. 1. P. 61.

найти «отважное и слепое повиновение»⁷⁴. Гизо считает, что «невежественная, безрассудная и неосмотрительная толпа, народ или армия, руководствуясь своими “великодушными” инстинктами, часто становится орудием или игрушкой эгоизма, гораздо более развращенного и безразличного к его участи, нежели тот, в котором упрекают богатые и просвещенные классы»⁷⁵.

«Средний класс» мыслится Гизо-политиком как активный слой, который способен снять с правительства часть «груза социальных гарантий» перед наименее защищенными группами и устранить необходимость «беспрестанного опасного перераспределения благосостояния»⁷⁶. Именно «средний класс» несет высокую «очевидную и священную» ответственность за всю нацию и через правительство приходит на помощь наименее защищенным группам, чтобы «уменьшить их нищету и способствовать их растущему стремлению к благам цивилизации», исправляя таким образом «дефекты социальной организации, из которых вытекают все бедствия столь многих людей»⁷⁷.

Гизо признает риски, которые связаны, в первую очередь, с особым положением, к приобретению которого идет «средний класс»: «Как и у всех общностей людей, которые получают подобные позиции, у среднего класса есть свои недостатки, ошибки, непредусмотрительность, упорство, тщеславие, эгоизм; легко об этом говорить, но не стоит клеветать на этот слой, учитывая его значение...»⁷⁸. Для мыслителя очень важно «не разжигать соперничество и вражду между буржуазией и народом, похожую на ту, которая существует между буржуазией и дворянством». Он убежден, что для подобного противостояния отсутствует почва, ведь «современная буржуазия не отвергает свою историю; от имени и в пользу всех она завоевала права, которыми она обладает и которыми могут обладать все», на которых зиждется существующий общественный строй⁷⁹.

Средний класс не требует и не пытается заполучить особые привилегии и исключительное для себя положение, хотя имеет ресурсы для этого: «Средние классы не думали никогда о том, чтобы сделаться среди

---

⁷⁴ *Guizot F. Mémoires...* Vol. 1. P. 61

⁷⁵ *Ibid.* P. 62.

⁷⁶ *Guizot F. Mémoires...* Vol. 6. P. 347.

⁷⁷ *Ibid.*

⁷⁸ *Ibid.* P. 348.

⁷⁹ *Ibid.*

всех привилегированными группами, и ни один здравомыслящий человек не думал этого за них»⁸⁰. Гизо признает, что невозможно полностью преодолеть «бурление общественных страстей и разнообразие общественных положений», поскольку это «естественный плод общественного движения и свободы», но отныне эти процессы нельзя объяснять противостоянием «среднего класса» – буржуазии и народа, ибо отсутствуют жесткие разделительные линии между ними⁸¹.

На практике с 1816 по 1848 г. Гизо в разных статусах открыто поддерживал «средние классы», но выступал против того, чтобы «буржуазия сделалась новым привилегированным сословием, чтобы законы, предназначенные к установлению права подачи голосов, послужили к основанию господства средних классов, отнимая *de jure* или *de facto* всякое политическое значение, с одной стороны, у остатков старинной французской аристократии, с другой – у народа»⁸². Философ считал попытку установления тотального господства среднего класса «нелепой и безумной», а главное, невозможной: «Не политическими теориями, не статьями закона утверждаются в государстве привилегии и господство какого-нибудь класса: эти интеллектуальные и медленные инструменты никак не помогут, необходимы или сила завоевания, или религиозное влияние. Тотально завладеть обществом могут военные или теократическая аристократия, но не буржуазия. История всех времен и народов доказывает это самым поверхностным наблюдателям»⁸³.

Эклектичная природа среднего класса доказывает невозможность его владычества над другими социальными группами. По мнению Гизо, две идеи составляют характер цивилизации Нового времени, сообщая ей стремительное развитие: «... есть права всеобщие, неотделимые от самой природы человека, права, в которых не может отказать законным образом никому никакое правительство. Есть права индивидуальные, происходящие единственно из личного достоинства каждого человека, несмотря на внешние обстоятельства происхождения, состояния или общественного положения, права, которые каждый носящий их в себе должен непременно развивать. Законное уважение к общим правам человечества, свободное развитие природных преимуществ – вот два принципа, которые, хорошо или дурно понимаемые, почти около столетия порождали

---

⁸⁰ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 170.

⁸¹ *Ibid.* Vol. 6. P. 349.

⁸² *Ibid.* Vol. 1. P. 168.

⁸³ *Ibid.* P. 168–169.

добро и зло, великие дела и преступления, прогресс и заблуждения, вызываемые то революциями, то самими правительствами из недр европейских обществ. Который из этих принципов вызывает или хоть только допускает исключительное господство средних классов? Конечно, ни тот, ни другой. Один открывает все двери личным преимуществам; другой требует для каждого человека его места и доли»⁸⁴. Подобные принципы несовместимы с каким бы то ни было исключительным положением любой социальной группы, и среднего класса в том числе.

Франсуа Гизо стал первым социальным мыслителем, обогатившим идею среднего класса анализом его роли в реальном политическом пространстве. Он обратился к этой проблеме как теоретизирующий практик. Именно по этой причине концепция среднего класса Гизо содержит ряд противоречий относительно социального состава и настоящих устремлений его представителей, а философская семантика понятия неоднозначна. Отсутствуя в действительности, средний класс являлся в своем идеальном выражении реальным социальным фактором.

Суверенитет

Сегодня проблема суверенитета практически исчезла из сочинений политических теоретиков⁸⁵, однако она занимала центральное место в политической мысли посленаполеоновской Франции. Разработка этой темы – одно из наиболее популярных и плодотворных направлений в политической философии XIX столетия. Кузен, Дестют де Траси, Констан и другие авторы журнала «Глоб», целый выпуск которого был посвящен этой проблеме, считали поиск источника суверенитета важнейшей политико-философской задачей своего времени⁸⁶. Ее привлекательность для исследователей соответствовала степени ее актуальности в послереволюционных условиях. Из сферы схоластики она вышла на арену идеологических и политических столкновений⁸⁷, участники которых искали

---

⁸⁴ Guizot F. Mémoires... Vol. 1. P. 169–170.

⁸⁵ См.: Craiutu A. Liberalism Under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires. Oxford, 2005. P. 123.

⁸⁶ См.: Федорова М.М. Либерализм первой половины XIX в... С. 48.

⁸⁷ См.: Крашенинникова Ю.А. Публичность и парламентаризм в политической теории Ф. Гизо // Полис (Политические исследования). 2002. № 3 (68). С. 164–165.

ответа на конкретные вопросы – о причинах затухания революции и гибели наполеоновской империи, о судьбе династии Бурбонов и жизнеспособности Хартии 1814 г.

Обращение к концепции суверенитета Франсуа Гизо не только позволит продемонстрировать соотношение либерального консерватизма с демократической традицией и даст возможность увидеть сложную рефлексию французского мыслителя относительно статуса проблемы суверенитета в философии и политической практике, т.е. дать ответ на вопрос: как рационалистический принцип работает в области политического?

М.М. Федорова замечает, что Гизо фактически ставит вопрос о том, каким образом возможно примирить науку о политических институтах и праве с реальным политическим действием? Если политика претендует на рациональность собственных оснований, то может ли она одновременно быть необходимой, т.е. детерминированной природой вещей, или она сохраняет определенную долю свободы? В таком случае может ли она претендовать на рациональность и научный характер? Эта антиномия между теоретическим и практическим разумом, обнаруженная в рамках немецкой классической философии, имеет большое значение, и размышления Гизо о суверенитете являются попыткой решения данной задачи⁸⁸.

Гизо обращается к проблеме суверенитета в трех трактатах, написанных при разных политических обстоятельствах и на разных этапах жизни философа. Первый текст, «Политическая философия о суверенитете»⁸⁹, всецело посвящен указанной теме. Гизо так и не закончил это сочинение, оно долгое время оставалось в архивах поместья Валь-Рише и было впервые издано П. Розанваллоном в 1985 г. О народном суверенитете философ размышляет в работе «О демократии во Франции»⁹⁰, написанной в январе 1849 г., т.е. под прямым впечатлением от собственной отставки и событий февральской революции 1848 г. Наиболее взвешенный взгляд на проблему представлен в историко-философском трактате «Три поколения. 1789–1814–1848»⁹¹, а также в мемуарах⁹².

Многие современные справочные издания по философии не включают определения понятия «суверенитет». Блэквелловская энциклопедия

---

⁸⁸ См.: Федорова М.М. Либерализм первой половины XIX в... С. 47–48.

⁸⁹ Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете... С. 507–588.

⁹⁰ Guizot F. DeladémocratieenFrance... 1849.

⁹¹ Guizot F. Trois générations...

⁹² Guizot F. Mémoires... Vol. 1–8.

политической мысли предлагает политологическое толкование суверенитета как «власти, которая дает право лицу, наделенному ей, принимать любые решения и урегулировать споры в пределах политической иерархии»⁹³. Философы хорошо знакомы с определением К. Шмитта, который писал, что «суверенитет есть высшая произвольная власть правителя»⁹⁴, а «суверен стоит вне нормально действующего правопорядка и все же принадлежит ему, ибо он компетентен решать, может ли быть *in toto* приостановлено действие конституции»⁹⁵. Проблема верховной власти, по определению Шмитта, всегда есть вопрос о том, кто является сувереном: «Суверенен ли только Бог, т.е. тот, кто в земной действительности действует как его представитель, не встречая прекословия, или император, или владетельный князь, или народ, т.е. те, кто, не встречая прекословия, может отождествить себя с народом, вопрос всегда стоит о субъекте суверенитета, т.е. о применении понятия к конкретному положению»⁹⁶. Во французском интеллектуальном пространстве начала XIX в. существовало несколько интерпретаций основания верховной власти: традиционалистская модель Ж. де Местра и Л. де Бональда; концепция суверенитета народной воли Ж.-Ж. Руссо, развитая Б. Констаном; либеральная теория суверенитета абстрактного права или разума. Позиция Гизо представляла последний вариант, поскольку мыслителя не беспокоила проблема реальности субъекта высшей власти. Гизо отчасти идет за Кузеном, в творчестве которого суверенитет разума – одно из ключевых понятий, к этому же концепту прибегают Дестют де Траси и Констан.

Как и во многих других вопросах, Гизо начинает рассматривать суверенитет с истории проблемы и обнаруживает историческое существование разных форм этого явления: «В области правления наши отцы видели, как на руинах права сильнейшего поднимается божественное право королей; сами же мы были свидетелями провозглашения суверенитета народа на руинах божественного права королей. Отвергая прежнего господина, люди не утратили надежды наконец получить правителя, который бы не смог лишиться власти и которого бы у них не было ни нуж-

---

⁹³ The Blackwell Encyclopaedia of Political Thought / D. Miller, J. Coleman, W. Connolly, A. Ryan (eds). Oxford, 1987. P. 492.

⁹⁴ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 16.

⁹⁵ Там же. С. 17.

⁹⁶ Там же. С. 21–22.

ды, ни права свергать»⁹⁷. Гизо уличает традиционалистов и сторонников народной воли в логической незавершенности их концепций: «Когда люди вознамерились обосновать суверенитет королей, они сказали, что короли суть образ Бога на земле. Когда они захотели обосновать суверенитет народа, было объявлено, что глас народа есть глас Божий»⁹⁸.

Признавая Бога единственно суверенным, Гизо фактически лишает суверенитет реальной субъектности. Политическое объяснение этому очевидно: доктринер-центрист руководствовался задачей устранить опасность легитимации тирании как «справа», так и «слева». Он и сам признается, что, «поскольку ни одна власть в этом мире не является и не может быть тем, чем она должна быть, никто не имеет права называть себя сувереном»⁹⁹. Ведь признать какой-либо реальный субъект сувереном означало бы признать его абсолютную власть и непогрешимость, т.е. реифицировать символы. Критикуя теории, овеещающие суверенитет, Гизо резюмирует: «...следует отрицать существование какого бы ни было суверенитета на земле; либо, если таковой и существует, следует отдать ему должные почести, отказаться от какого бы то ни было сопротивления и покориться»¹⁰⁰.

Согласно Гизо, никакая абсолютная власть не может быть легитимной, поскольку потенциально она не исключает произвол, следовательно, на земле вовсе не существует ни суверенитета, ни суверена¹⁰¹. Ни народ (и отдельные его представители), ни монарх не могут претендовать на высшую произвольную власть правителя и существовать вне нормально действующего правопорядка. Если человек по природе своей несовершенен и подвержен заблуждению, то никакая непогрешимая и совершенная власть, никакая власть, наделенная истинным *суверенитетом по праву*, не может ни оказаться в руках человека, ни происходить из недр человеческого общества. Однако, согласно Гизо, этот факт не захотели признавать ни народы, ни их правители: одни бесконечно искали надежной защиты абсолютно легитимной власти, другие стремились добиться суверенитета по праву, а вместе с ним и беспредельной, ни от кого не зависящей легитимности¹⁰².

---

⁹⁷ Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете... С. 508.

⁹⁸ Там же. С. 514.

⁹⁹ Там же. С. 517.

¹⁰⁰ Там же. С. 526.

¹⁰¹ Там же. С. 517.

¹⁰² Там же. С. 515.

Таким образом, Гизо подвергает сомнению принципиально важный атрибут *человеческого* (мнимого) суверенитета – его абсолютность и идет в этом вопросе вслед за Б. Констаном, который утверждал, что «вместе со словом абсолютный ни свобода, ни (...) спокойствие, ни счастье невозможны ни при каких институтах»¹⁰³. По мнению Констан, «никакая власть на земле не является безграничной – ни власть народа, ни власть людей, называющих себя его представителями, ни власть королей, под каким бы именем они ни правили, ни власть закона, который, в зависимости от формы правления являясь лишь выражением воли народа или государя, должен быть вписан в те же границы, что и власть, из которой он проистекает»¹⁰⁴.

Но что такое Бог-суверен в понимании Гизо? Мыслитель выводит проблему единого суверенитета в сферу чистой абстракции и утверждает, что единственно легитимным по природе своей является разум, истина, справедливость, или, «выражаясь языком, более подобающим философии, это незыблемое Бытие, основными законами которого являются разум, истина, справедливость»¹⁰⁵. При этом Гизо утверждает, что данные категории отчасти постижимы для человека: «... если бы человек не мог постичь истину, он бы никогда не знал, что способен заблуждаться, и одна только идея ошибки свидетельствует, что человек призван познать истину»¹⁰⁶. Гизо развивает идею Ж. Неккера, который утверждал, что «истинный суверенитет принадлежит только вечному разуму и правосудию» и следует за Кузеном, полагавшим, что разум трансцендентен человеку и не доступен ему в полной мере¹⁰⁷. М.М. Федорова замечает, что Гизо, в отличие от Кузена, строит свою концепцию суверенитета разума, отталкиваясь не от метафизики, а от политики¹⁰⁸.

Гизо считает, что «божественное право» королей и «суверенитет народа» по сути своей базируются на более и менее очевидной насильственной узурпации власти, потому что ни монарх, ни народ в целом не тождественны разуму и не могут обладать суверенитетом. Просветители XVIII столетия, воспевавшие культ разума, изменили лишь источник суверенитета, но не отказались от принципа некой абсолютной власти. Для

---

¹⁰³ Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления. М., 2000. С. 32.

¹⁰⁴ Там же. С. 33.

¹⁰⁵ Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете... С. 509.

¹⁰⁶ Там же. С. 510.

¹⁰⁷ См.: *Craiu A. Liberalism un der Siege...* P. 128.

¹⁰⁸ См.: *Федорова М.М. Либерализм первой половины XIXв...* С. 48.

Руссо суверен непогрешим, поэтому решение, принятое обществом в результате обсуждения, способного обязать всех подданных перед сувереном, «не может обязывать суверена в отношении себя и, следовательно, противно природе общественного организма положение, когда суверен вменяет себе в обязанность подчиняться закону, который он не в состоянии нарушить»¹⁰⁹.

Суверен Руссо реален, един, но образован из множества частных лиц, его составляющих, поэтому «он не имеет и не может иметь соображений выгоды, противоречащих их выгоде, и, следовательно, суверенная власть вовсе не нуждается ни в какой поруче в отношениях с подданными, потому что невозможно, чтобы организм пожелал нанести вред всем своим частям...»¹¹⁰. Гизо возмущен, с какой легкостью Руссо, не знавший, конечно, темных времен Французской революции, наделяет народный суверенитет «непогрешимостью, единственно способной его легитимизировать»¹¹¹. Великий женевец не отказывает суверену в абсолютности и реальности: «Суверен только по тому одному, что существует, всегда является тем, чем он и должен быть»¹¹². Читая эти строки, Гизо восклицает: «Какая удивительная робость человеческой мысли даже во времена великой отваги! Руссо не осмелился нанести последний удар гордости человека и сказать, что (...) никто в этом мире (...) не имеет права называть себя сувереном»¹¹³.

Гизо призывает отказаться от бесконечного поиска суверена на земле, поскольку любой такой суверен окажется тираном. Однако мыслитель считает, что человек испытывает постоянную, повсеместную, абсолютную потребность во власти: «Это потребность в действительно существующей окончательной власти, которая, будь то в самой общей форме или в каком-то отдельном случае, выносит окончательное решение и требует послушания»¹¹⁴. То есть должны существовать законы, обязательные для выполнения, суждения, выносящие окончательное решение. Когда мы говорим о делах человеческих, реальных, тогда поиски истины должны иметь цель, сопротивление – предел, а воля – непререкаемого

---

¹⁰⁹ Руссо Ж.-Ж. Общественный договор или Начала политического права // Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. СПб., 2013. С. 129.

¹¹⁰ Там же. С. 130.

¹¹¹ Гизо Ф. Политическая философия... С. 516.

¹¹² Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 130.

¹¹³ Гизо Ф. Политическая философия... С. 517.

¹¹⁴ Там же. С. 512.

властителя. По мнению Гизо, того требуют условия существования человека, кратковременность его жизни и неотлагательность нужд.

Обеспечить суверенность разума и избежать тирании, по мнению Гизо, может представительное правление, позволяющее постоянно обновлять власть и не прекращать поиск суверена. Такое правление не коснеет, но всегда перестраивается под общественную жизнь и политические обстоятельства: государственный курс может меняться без (контр)революционных потрясений, а посредством выборов. Представительство постоянно доказывает собственную легитимность, восприимчиво к изменениям и отражает запрос времени. М.М. Федорова замечает, что такой подход к проблеме суверенитета оставляет вопрос о легитимности власти открытым; человек подчиняется власти, легитимность которой носит только возможный характер, а задача власти состоит в постоянном подтверждении легитимности¹¹⁵.

Через проблему суверенитета Гизо переходит к принципу разделения властей. Фактический суверенитет, существующий где бы то ни было, подлежит разделению, чтобы предотвратить узурпацию власти и подвести людей под господство «единственно легитимного суверена» (разума, истины, справедливости). Фактический суверенитет должен быть плодом усилия, «результатом сближения и столкновения властей независимых, равных и способных принудить друг друга к совместным поискам истины, дабы объединиться лишь в лоне ее»¹¹⁶. В отличие от Монтескьё¹¹⁷ Гизо сосредоточивает внимание не на равновесии и балансе властей, называя такую идиллию «пустым словом» и «химерой», но на их борьбе и труде. Мудрое управление этой борьбой с целью слияния властей «в лоне подлинного единства» – трудная задача, опасность которой заключается в возможности обретения чрезмерного превосходства одной из властей¹¹⁸.

Признав взаимное ограничение властей в рамках реального суверенитета, Гизо подвергает сомнению второй важный атрибут человеческого суверенитета – единство. И вновь мыслитель солидарен с Констаном, убежденным, что «до тех пор, пока суверенитет не ограничен, нет никакого средства дать индивидам защиту от правления»¹¹⁹.

---

¹¹⁵ См.: Федорова М.М. Либерализм первой половины XIXв... С. 49.

¹¹⁶ Там же. С. 537.

¹¹⁷ См.: Монтескьё Ш..Л. Дух законов... Т. 1. С. 280.

¹¹⁸ Там же. С. 539.

¹¹⁹ Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 32.

Признавая существование народного суверенитета, Констан призывал к его ограничению и считал, что философы, наделившие суверенитет народа безграничной властью, сильно заблуждались¹²⁰. Тем не менее Констан, следуя в целом за Монтескье, считал, что власть небольшой группы наиболее подготовленных людей, санкционированная согласием всех, может превратиться в общую волю. То есть всеобщее избирательное право является достаточным фильтром для реализации народного суверенитета в политике и позволяет достичь высшей легитимности власти.

С подобным заключением Гизо не мог согласиться. Примыкание к численному большинству не является лучшей формой легитимности. Гизо считает, что политические теоретики сами ставили себя в тупик, когда пытались раз и навсегда сделать выбор между всеобщим избирательным правом и его отсутствием: «Одни полностью исключали избирательное право, хотя вовсе не стремились к разрушению свободы. Другие утверждали всеобщее избирательное право, хотя были вынуждены на каждом шагу опровергать самих себя»¹²¹. Ошибка этого подхода состоит в том, что его авторы полагали, будто численное большинство всегда является – либо не является никогда – наилучшим доказательством легитимности власти. По мнению Гизо, все это условно и зависит от различных состояний, в которых пребывают человек и общество¹²². Он считает, что широта применения права на волеизъявление должна беспрестанно варьироваться, «поскольку это право принадлежит на законных основаниях лишь способности»¹²³. То есть корпус избирателей расширяется в соответствии с увеличением количества образованных и состоявшихся людей, в терминологии Гизо – среднего класса.

Гизо считал, что суверенитет народа ведет к самым трагичным последствиям, таким как якобинский террор. Многие современники французского мыслителя понимали и принимали логику подобных умозаключений. Если Констан, принимая народный суверенитет как принцип, сосредоточен на определении границ народовластия, то Гизо обрушивает критику на идею непогрешимости народного суверенитета, восходящую к работам Руссо¹²⁴. Доктринер не понимает каким образом происходит переход от принципа свободы народа к идее его непогрешимости. Если

---

¹²⁰ Там же. С. 28.

¹²¹ Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете... С. 578.

¹²² Там же. С. 579.

¹²³ Там же. С. 584.

¹²⁴ См.: Федорова М.М. Либерализм первой половины XIXв... С. 48.

из свободы человека не выводится его непогрешимость, то почему свобода людей – неизбежная причина народного суверенитета? Если отвергать нечто как абсурдное по отношению к индивиду, то почему это нечто, признанное за всем обществом, перестает быть абсурдным? М.М. Федорова замечает, что Гизо ставит проблему легитимности власти в прямую зависимость от ее подчинения разуму: всякая власть несовершенна, пока сохраняется зазор между нею и разумом. Таким образом, суверенитет не является ни целью, ни средством политики, и любое политическое действие должно постоянно соотноситься с разумом¹²⁵.

В реальной политике теория суверенитета Гизо означала отказ от расширения избирательного корпуса, чтобы исключить из политической жизни неподготовленные для этого слои населения, не обладавшие имуществом и должным образованием. Гизо, как и все орлеанисты, считает, что народный суверенитет недопустим, поскольку на практике он сводится к «суверенитету городской площади», т.е. анархии. Такой суверенитет основывается на простой силе и является формой самой абсолютной власти. Для него нет ни правил, ни пределов, ни конституции, ни законов, ни добра, ни зла, ни прошлого, ни будущего. Наставник и союзник Гизо Руайе-Коллар говорил: «Претензии самой капризной и сумасбродной тирании не идут так далеко, как претензии народного суверенитета, потому что никакая тирания не свободна до такой степени от ответственности»¹²⁶. Коллективный субъект – самый беспринципный и безответственный политик, который с легкостью может привести к власти тирана. Монархия Наполеона тому пример.

М.М. Федорова справедливо отмечает, что представительство у Гизо сводится к идее о том, что в политической сфере должен оказаться представлен разум, соответственно, миссия такого представительства возлагается на интеллектуальную элиту, наиболее подготовленную к управлению государством¹²⁷.

Критичное отношение к народной демократии было общим местом в идеологии доктринеров и восходило к опыту Французской революции. Гизо и его единомышленники во время философских дискуссий и парламентских дебатов неоднократно обращались к темным временам революции для критики демократических идей. Они считали якобинский

---

¹²⁵ Федорова М.М. Либерализм первой половины XIX в... С. 48.

¹²⁶ Цит. по: Бутенко В.А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 1. 1814–1820. СПб., 1913. С. 336.

¹²⁷ См.: Федорова М.М. Либерализм первой половины XIX в... С. 52.

террор прямым политическим следствием реализации принципа народного суверенитета, который трансформировался в новую форму деспотизма. Падение Старого порядка доказало ошибочность и незаконность божественного права королей, а террор поставил под сомнение народный суверенитет. Оппоненты часто упрекали Гизо в предсказуемости его антидемократических аргументов, на что он отвечал вопросом: «Сколько раз должен повториться 1793 г., чтобы вы поняли несостоятельность народного суверенитета?»¹²⁸ Все предосторожности против неограниченной власти будут бесполезны, если суверенитет не будет разделен.

По мнению Гизо, не народный или монархический суверенитет должен управлять обществом, а суверенитет неподвижный и бессмертный, суверенитет разума, «единственный истинный законодатель человечества». Через год после вынужденной отставки Гизо написал: «Демократическое идолопоклонство» (*l'idolâtrie démocratique*) является «величайшим из возможных зол, которое разъедает и разрушает правительства и свободы, человеческое достоинство и счастье [граждан]»¹²⁹. Четырнадцать лет спустя философ нашел более сдержанные формулировки и признал определенную роль демократии, которую она смогла получить «только при помощи королевской власти»¹³⁰. Мыслитель признал, что «демократия имеет большие права и значительную роль в современном мире, бóльшие, чем в любую другую эпоху, по крайней мере в крупных государствах»¹³¹. Однако эта политическая форма имеет мало общего с народным суверенитетом и по-прежнему не является единственно возможной, а тем более лучшей. Демократия как «сок, который течет от корней деревьев к ветвям, но она не является самим деревом с его цветами и плодами. Она – ветер, который наполняет паруса и гонит корабли вперед, но она не является ни солнцем, которое освещает дорогу, ни компасом, который их направляет. У демократии есть дух прогресса, но нет дара сохранения и предусмотрительности. Она легко возбуждается и щедра на слова о перспективах свободы, но в своем опьянении она быстро отдается шарлатанам, которые ей льстят, после чего она тиранически раздражается против свобод, которые ей не нравятся. Она возбуждается слишком легко, а сопротивляется слишком слабо. Ей легче разрушать, а

---

¹²⁸ См.: *Craiu A. Liberalism under Siege...* P. 126.

¹²⁹ *Guizot F. De la démocratie en France...* P. 2.

¹³⁰ См.: *Guizot F. Trois générations...* P. 20–21.

¹³¹ *Ibid.* P. 210.

не сохранять»¹³². Демократия лжива, потому что расточает несбыточные обещания всеобщего счастья и благоденствия. Демократия безнравственна, поскольку апеллирует к правам самой темной части общества¹³³. Временный успех демократии Гизо отнес к «фатальным ошибкам цивилизации»¹³⁴, гибельным для человечества¹³⁵.

Гизо говорит о постепенной подмене смысла понятия *демократия*. С течением времени под демократией начинают понимать равные возможности, в том числе для участия во власти, но не прямое народовластие. Политическая свобода свойственна не только демократии. Что мешало гражданину [во времена орлеанизма] предпринять усилия для преодоления имущественного и образовательного ценза, ведь «никаких аристократических привилегий не существовало», «все карьеры были открыты», «налоги распространялись на всех, а индивидуальные свободы были гарантированы каждому»? Орлеанизм (либеральный консерватизм) не обещал всеобщего равенства, но нет его и при «демократии»¹³⁶, которая в процессе своего развития уходит от реализации принципа народного суверенитета.

До Гизо суверенитет рассматривали как нечто, присущее какой-либо форме правления. В частности, Руссо, идеализируя «естественное состояние», предполагал, что в этом состоянии каждый был сувереном самого себя, а человеческий род не был поделен «на стада скота, каждое из которых имеет вожака, оберегающего свое стадо для того, чтобы затем его сожрать»¹³⁷. Отсутствие сконцентрированного в одних руках суверенитета подтолкнуло великого женева рассматривать первобытное общество в качестве образца свободы и счастья. Гизо полагает, что, если не существовало суверена, который бы управлял всеми, то таким сувереном был любой: «Причем он был сувереном не только по отношению к самому себе, но и против всех остальных, со всей неизбежностью грубой силы и всеми капризами ничем не сдерживаемой воли»¹³⁸.

Согласно Гизо, формы правления существуют отдельно от суверенитета, поскольку они имеют отношение к человеческой жизни, а сувере-

---

¹³² *Guizot F. Trois generations...* P. 211–212.

¹³³ *Ibid.* P. 212.

¹³⁴ *Ibid.* 21.

¹³⁵ *Ibid.* P. 24.

¹³⁶ *Ibid.* P. 208–209.

¹³⁷ *Руссо Ж.-Ж. Указ. соч.* С. 118.

¹³⁸ *Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете...* С. 518.

нитет – категория, принадлежащая вечности. Правление и суверенитет иногда смешивали, а иногда разделяли, но всегда забывали о природе суверенитета, и, забирая его у правления, им наделяли разнообразные власти или некие силы, которые не имеют на то никакого права¹³⁹.

Анализируя ретроспективу соотношения суверенитета и власти, Гизо замечает, что в первых политических сообществах суверенитет и правление воспринимались как нечто единое, и выражалось это в праве сильного, которое царило единолично на протяжении многих столетий. Тот, кто был слаб, оказывался вне общества. Однако и суверенитет не был нигде сосредоточен, никакая общественная власть не была им обличена, но каждый индивид обладал им в одиночку в своей собственной сфере существования. Изоляция и независимость индивидов порождали суверенитет сильных, которые стали распространять свое право настолько далеко, насколько позволяла их сила¹⁴⁰. Отсутствие единого и сконцентрированного в одних руках суверенитета подтолкнуло Руссо, а вслед за ним всю либерально-демократическую традицию к рассмотрению первоначального этапа развития общества в качестве образца счастья и свободы. Критикуя либеральную демократию сторонников Руссо, Гизо говорит, что все это течение оплакивало первоначальную независимость человека, забывая при этом, что если не существовало единого суверена, то сувереном мог быть любой¹⁴¹.

Либеральный консерватизм Гизо отдает предпочтение суверенитету, который, концентрируясь, набирал силу и был «менее абсурдным и менее тягостным» и в конечном счете начал смешиваться с правлением, за счет постоянного обновления через выборы представительства. Философ убежден, что правление не является ни продуктом силы, ни итогом соглашения, а общественный договор, связывающий людей с законами справедливости и истины, не является результатом творчества человека, равно как и сами эти законы: «Это божественный договор, в который рукой Всевышнего вписаны правила всех человеческих взаимоотношений, он устанавливает взаимные обязательства между правлением и обществом именно в силу того, что является высшим по отношению к ним обоим», поэтому человек не властен разорвать этот договор или безнаказанно забыть о его существовании на долгое время¹⁴².

---

¹³⁹ Там же. С. 517.

¹⁴⁰ Там же. С. 518.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. С. 525.

Гизо не предпринимает попытки создать собственную классификацию форм правления, на что были направлены усилия многих политических философов. Более того, он полагает, что любое подобное построение произвольно и обманчиво, поскольку основывается на неких чертах и отличиях, которые искали то в формах правления, то в некоторых его проявлениях. Таким способом получали монархию, аристократию, демократию: «...все эти названия не только вскрывают принцип, сколько отражают факты, они заимствованы из внешней формы правления и не затрагивают его внутренней природы и его законов»¹⁴³. Многие философы, в частности Монтескьё, решали задачу форм правления чисто теоретическим путем. В отличие от предшественников Гизо мыслит исторически. Если для Монтескьё существуют принципы монархии, деспотизма, республики, обнаруживающиеся в различные периоды и в различных странах, то для Гизо существуют только конкретные исторические обстоятельства, конструирующие те или иные политические формы, лишь внешне схожие.

Философская проблема суверенитета тесно связана с принципом легитимизма, поскольку определение природы суверена позволяет найти источник легитимности власти, а «легитимная власть всегда была целью человека»¹⁴⁴. Многие биографы записывают молодого Гизо в лагерь сторонников концепции Ш.М. Талейрана и Ф.Р. Шатобриана, которые утверждали, что легитимность королевской власти представляет «защитный оплот для народов», почему она и «должна быть священна». Если Талейран говорит о легитимности власти вообще, независимо от формы правления («При легитимной власти, будет ли она монархической или республиканской, наследственной или выборной, аристократической или демократической, самое ее существование, форма и способ действия укреплены и освещены долгой чередой лет»¹⁴⁵), то Шатобриан рассуждает лишь о легитимности монархии в целом и французской монархии в частности¹⁴⁶.

Действительно, Гизо поддержал идею реставрации династии Бурбонов в 1814 г., однако его концепция легитимизма, став важной частью политической теории, существенно отличалась от построений предшественников. Во-первых, она была связана с проблемой суверенитета: поскольку никакая человеческая власть по природе не может обладать всей

---

¹⁴³ Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете... С. 525.

¹⁴⁴ Там же. С. 512.

¹⁴⁵ Талейран Ш.М. Мемуары. М., 1959. С. 295.

¹⁴⁶ См.: Шатобриан Ф.Р. Бонапарте и Бурбоны. СПб., 1814. С. 6–8.

полнотой суверенитета, то никакая власть равным образом не может претендовать и на неотчуждаемость, т.е. она «не может утверждать, что в любом случае ее падение не будет легитимным...»¹⁴⁷. Таким образом, наиболее легитимной является отчуждаемая посредством выборов власть представительного правления. Гизо убежден, что следует защищать право власти, но право не ее действий, а ее происхождения¹⁴⁸. Признавая существование «легитимных и необходимых» революций и войн, Гизо все же считал их исключениями из правила и призывал парламент (в январе 1848 г.) «ограничивать их насколько это возможно»¹⁴⁹.

Во-вторых, концепция Гизо предполагает потенциальную легитимность любой государственной системы, а не только монархии, при которой политическая легитимность предстает в специфической и более очевидной форме. Однако принцип, лежащий в ее основе, и его следствия встречаются во всех обществах, во всех системах правления: «Повсюду эта черта где-либо да присутствует, связанная с каким-либо институтом». В монархии она закреплена за престолом короля, в республике – за конституцией¹⁵⁰. Сама природа человека вызвала к жизни принцип легитимизма, который пронизывает все правления, но лишь наилучшие из них сохраняют легитимность и в современном обществе это происходит при голосовании¹⁵¹.

Вслед за Локком («Размышления о славной революции 1688») Гизо признает право на восстание: «Будь то старая или новая тирания и каковы бы ни были противники, под чьими ударами она пала, ее крах был столь же легитимен, сколь и их сопротивление, ибо сопротивление, как и власть, черпает свое право в своей моральной легитимности...»¹⁵² Однако в позиции Гизо отчетливо прослеживаются рефлексия по поводу событий Французской революции и антидемократизм. Во-первых, он напоминает, что сопротивление связано с незаконными действиями, и случаи, когда оно представляется необходимым, «достаточно редки и достойны сожаления»¹⁵³. Во-вторых, он считает, что это право не может быть раз и

---

¹⁴⁷ Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете... С. 540.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. Vol. 1–5. Paris, 1863–1864. Vol. 5. P. 539.

¹⁵⁰ Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете... С. 541–542.

¹⁵¹ Там же. С. 545.

¹⁵² Там же. С. 541.

¹⁵³ Там же. С. 548.

навсегда узурпировано ни одной волей, в том числе народной: «Если действительно будет доказано – а пока что это не так, – что сила, вершащая судьбы государств, заключена в народе, т.е. в большинстве, народ не получит от этого никакого права восставать против своего правительства и изменять его в соответствии с капризами собственной воли»¹⁵⁴.

Гизо считал, что в сфере политики понятие «суверенитет» не может использоваться адекватно, потому что в конечном счете ни одна земная власть не есть образ Бога (разума) и не является представителем Бога. Суверенитетом не может обладать ни монарх, ни народ. Гизо подверг сомнению важнейшие атрибуты реального (человеческого) суверенитета – его абсолютность, единство и непогрешимость. Идея о том, что источник легитимности власти находится вне реального мира, а сама верховная власть не имеет политической природы, восходит к работам Ж. Бодена. На ней строится традиционное представление о монархе как выразителе абсолютной власти Бога на земле. В некотором смысле Гизо приближается к первоначальной концепции суверенитета. Однако Гизо разделял принцип просвещенческого рационализма, но предложенная доктриной концепция суверенности Разума была органично вплетена в интеллектуальную культуру посленаполеоновской Франции и продемонстрировала дистанцию между Просвещением и политической философией XIX столетия. Гизо ставит проблему легитимности власти в прямую зависимость от ее подчинения разуму: всякая власть несовершенна, пока сохраняется зазор между нею и разумом. Таким образом, суверенитет не является ни целью, ни средством политики, и любое политическое действие должно постоянно соотноситься с разумом.

***

Либеральный консерватизм Франсуа Гизо возник как реакция на «разрушающий либерализм» идеологов Французской революции (1789–1794) и перерос в интеллектуальное и политическое движение в эпоху Реставрации (1814–1830), когда многие философы стремились найти не только идеальную форму государственного устройства, но и выработать реальные средства управления. Либеральный консерватизм стал центристской политической доктриной, приверженцы которой желали избежать искушений радикализма правого и левого толка. Сторонники данного движения были реалистами – они приняли общество, возникшее в резуль-

---

¹⁵⁴ Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете... С. 548.

тате Французской революции, отвергли идею реставрации Старого порядка и в то же время выступили против неконтролируемой демократии, чреватой террором. По их мнению, общественные изменения должны осуществляться с опорой на разум и без посягательств на порядок. Во многом с этим связан принципиальный отказ от любых форм популизма. Политическим воплощением ранней философии либерального консерватизма стал режим Июльской монархии – орлеанизм, вдохновителем которого был лидер доктринеров Ф. Гизо.

Либеральный консерватизм Гизо сформировался во многом как ответ на политические вызовы эпохи Реставрации и Июльской монархии и представляет собой систему философских взглядов и политическую технологию. Его отличает приверженность к политической свободе, стремление сохранить завоевания Революции, рациональное восприятие текущей ситуации и страх перед новыми революционными потрясениями.

Либеральный консерватизм Гизо отстаивает теорию суверенности разума и жестко критикует концепцию народного суверенитета. В частности, Гизо считает принцип народного суверенитета тождественным в стремлении к узурпации власти принципу божественного права королей. Мыслитель рассматривает власть не как внешнюю по отношению к обществу силу, но как силу, возникающую в недрах социума («социальная власть»), в связи с чем власть должна взаимодействовать со всеми гражданами посредством представительных органов и выборных институтов. Признавая значимость выборных учреждений, Гизо выступал за определенные ограничения при предоставлении избирательного права. Если представительное правление являет собой реализацию принципа суверенитета разума, то быть представителями и участвовать в их избрании должны только подготовленные люди, доказавшие свою состоятельность в обладании имуществом. Гизо вводит важнейший концепт социальной теории либерального консерватизма – средний класс. Основной целью и залогом благополучия этого общественного слоя является поддержание стабильности государственной системы.

Политическая философия Гизо представляет собой систему оригинальных идей, оказавших значительное влияние на политическую теорию Токвиля в частности, и на французский либеральный консерватизм в целом. Тем самым интеллектуальное наследие Гизо не только достойно реинтеграции в поле политической философии, но и находится у истоков влиятельной политической идеологии, что позволяет переосмыслить место Гизо в корпусе политических философов.

Литература

- Бёдекер Х.Э.* Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета. М., 2010.
- Бутенко В.А.* Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 1. 1814–1820. СПб., 1913.
- Гизо Ф.* История цивилизации в Европе. М., 2007.
- Гизо Ф.* О средствах правления и оппозиции в современной Франции // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 263–491.
- Гизо Ф.* Политическая философия о суверенитете Политическая философия: о суверенитете Франции // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 507–588.
- Констан Б.* Принципы политики, пригодные для всякого правления // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 26–37.
- Крашенинникова Ю.А.* Публичность и парламентаризм в политической теории Ф. Гизо // Полис (Политические исследования). 2002. №3 (68). С. 163–174.
- Руссо Ж.-Ж.* Общественный договор или Начала политического права / Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. СПб., 2013. С. 116–239.
- Талейран Ш.М.* Мемуары. М., 1959.
- Федорова М.М.* Либерализм первой половины XIX в. // Европейская политическая мысль XIX века. М., 2008. С. 30–66.
- Шатобриан Ф. Р.* Бонапарте и Бурбоны. СПб., 1814.
- Шмитт К.* Политическая теология. М., 2000.
- Charte constitutionnelle du 4 juin 1814.* Paris, 1814.
- Chateaubriand F.R.* Correspondance générale. Vol. 2. Paris, 1982.
- Craiutu A.* Liberalism Under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires. Oxford, 2005.
- Guizot F.* De la démocratie en France. Paris, 1849.
- Guizot F.* Des moyens de gouvernement et d'opposition dans l'état actuel de la France. Paris, 1821.

Guizot F. Essais sur l'histoire de France. Paris, 1823.

Guizot F. Histoire des origines du gouvernement représentatif en Europe. Vol. 1. Paris, 1851.

Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. Vol. 1–5. Paris, 1863–1864.

Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps / F. Guizot. 8 vol. Paris, 1858–1867.

Guizot F. Quelques idées sur la liberté de la presse // Mémoires... Vol. 1. P. 408–415.

Guizot F. Trois générations 1789–1814–1848. Paris, 1863.

The Blackwell Encyclopaedia of Political Thought / by Miller D., Coleman J., Connolly W., Ryan A. (eds.). Oxford, 1987.

Matveev, S. R.

Препринт WP6/2015/05
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Матвеев Сергей Рафисович
Либеральный консерватизм Франсуа Гизо

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$, Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,75
Усл. печ. л. 2,6. Заказ № . Изд. № 1954.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»